

Среди прочих методов, существующих в изобилии, каждый из которых имеет свои недостатки, ни один не был принят Залом Заповедей, а тем более Материком Очищения от Грехов, из-за спорности и несовершенства.

— Тогда не буду вас утруждать. — Нин Гуанью с напускной вежливостью поклонился. На его лице играла улыбка, а внутри он чувствовал глубокое удовлетворение. — Если говорить кратко, то Нин Гуанчжуна я приказал отравить Чжу Мэну, именно я отправил людей, чтобы подсыпать яд этому низкому человеку, и вскоре Нин Гуанью будет отправлен на Материк Очищения от Грехов... Ха-ха, интересно, хватит ли у тебя, труса, смелости последовать примеру второго брата и покончить с собой, чтобы искупить свою вину?

— Ты смеешь называть его «вторым братом»?!

Нин Гуанью снова попытался броситься на него, но его удержали окружающие. Его глаза были широко раскрыты, а в них читалась ярость.

— У каждого греха есть свой хозяин. Если ты ненавидишь меня, ненавидь меня, но при чем здесь второй брат? Даже если ты скажешь, что старший брат знал о происходящем и покрывал тебя, и ты возненавидел его, но второй брат в то время был во Дворце Облачных Небес, он ничего не знал! За что ты его ненавидишь?! Десять лет он относился к тебе с добротой, даже поссорился с отцом из-за тебя, что привело к его смерти... А ты погубил его в расцвете лет, ты уничтожил его репутацию!

В зале раздался хриплый плач. Цзюньин, упав на пол, рыдала, словно все обвинения были направлены на нее, словно тысячи рук указывали на нее.

— Второй брат...?

Нин Гуанью стоял внизу зала, и вдруг из его глаза скатилась слеза.

Нин Гуанжэнь, как и его имя, был человеком с добрым сердцем, настоящим благородным мужем.

Он не хотел его смерти, он просто хотел... преподать ему небольшой урок.

Он был единственным светом в его мрачной жизни, его солнцем. Но солнце светит всем, оно не остановится ради жалкого насекомого, прячущегося в тени. Так он всегда думал.

Но почему же тогда эта проститутка, самая грязная вещь в мире, даже хуже него, почему она могла обладать этой добротой?

Он завидовал, завидовал до безумия.

В ту ночь, когда тело Нин Гуанжэня доставили в Усадьбу Нефритового Отражения, он стоял во дворе до утра. Перед рассветом пошел мелкий дождь, и он протянул руку, словно ловил капли крови, которые пролил Нин Гуанжэнь, когда покончил с собой.

Он вытер лицо этой кровью, поднял голову, чтобы поймать еще каплю. Она была такой горячей, такой бесконечной.

Гуанью, бесконечными были твои слезы.

[Тридцать седьмая]

Дело было решено.

Хотя Нин Гуанъи не убивал своего брата, тринадцать лет назад он преследовал младшего брата, а затем, не раскаявшись, использовал запретные техники, чтобы избежать допроса во Дворце Облачных Небес. Поэтому он должен был быть отправлен на Материк Очищения от Грехов. Нин Гуанъю, будучи простым смертным без духовной силы, должен был быть отправлен на Сигнальную башню в Цзичэн. Его грехи были велики, на его руках была не одна жизнь из клана Нин, и, скорее всего, он проведет остаток своих дней в тюрьме.

Пэй Вэньюй продолжал неторопливо обмахиваться веером.

— Хотите ли вы что-то сказать перед отправкой?

— Кхе-кхе, кажется, я уже все сказал, верно? — Нин Гуанъю легонько кашлянул, и его слова прозвучали особенно резко в ушах присутствующих.

Теперь в зале никто не хотел его слушать, его слова были хуже предсмертного приговора.

Нынешний глава Усадьбы Нефритового Отражения, Нин Шэнь, с мрачным лицом, больше похожим на мольбу, чем на осуждение, сказал:

— Гуанъю, хватит! У твоего отца было всего пять сыновей, и теперь трое из них мертвы! Гуанчжун и Гуанжэнь погибли от твоей руки. Даже если ты ненавидишь Гуанъи, его сегодня отправят на Материк Очищения от Грехов. Клан Нин опустел и стал посмешищем для других семей. Разве этого недостаточно?

— Конечно, недостаточно. Как этого может быть достаточно?

Нин Гуанъю усмехнулся.

— Да, четвертый брат виноват, но если бы не то, что вся Усадьба Нефритового Отражения покрывала его, как бы я мог столько лет оставаться без справедливости? Я ненавижу не только Нин Гуанъи, я ненавижу всю Усадьбу Нефритового Отражения, каждого из вас!

После этих слов он снова начал сильно кашлять. Когда его дыхание успокоилось, он медленно повернулся и, с холодным, как у змеи, взглядом, посмотрел на Нин Ишу, стоящую на возвышении.

Все были шокированы. Даос Чэнсяо взмахнул своим посохом, чтобы защитить Нин Ишу. Она с грустью вздохнула:

— Пятый молодой господин, когда же прекратится эта вражда? Пожалуйста, остановитесь.

Нин Ишу, немного оправившись от шока, подавила боль в глазах и сказала:

— Гуанъю, я действительно виновата перед тобой. Много лет я колебалась, но, к сожалению, притворяться глухой и слепой в толпе всегда проще всего. У меня не хватило смелости выступить в этом деле. Если ты хочешь отомстить мне, пожалуйста, сделай это.

— Такой высокопарный ответ, но в конечном итоге ты ничем не отличаешься от остальных.

Нин Гуанъю усмехнулся.

— Даже если бы это было не на глазах у всех, я бы все равно не смог тебя одолеть. Месть? Как

легко ты это говоришь. Я не ненавижу тебя так сильно, мне не нужна твоя жизнь.

Нин Ишу слегка сжала губы, невольно выпрямив спину. Через мгновение она улыбнулась, и, в отличие от ее мужественной внешности, в ее улыбке проскользнула редкая нежность.

— Что ты знаешь, скажи.

Казалось, она слишком долго несла тяжесть, и теперь, когда меч над ее головой вот-вот упадет, она почувствовала облегчение.

Теперь никто не будет спрашивать, почему она в таком возрасте еще не замужем, никто не будет бесконечно сватать ее, никто... никто не будет смотреть на нее с таким же восхищением, как раньше.

Ее взгляд невольно сместился в сторону, к Лу Ли, стоящему в углу. Но он не смотрел на нее, а пристально наблюдал за Нин Гуанью, его мышцы напряжены, словно он готовился к катастрофе.

Однако, услышав это, Нин Гуанью заколебался.

Как он завидовал другим молодым господам клана Нин, так он завидовал и Нин Ишу, которая, несмотря на то что была женщиной, обладала выдающимися способностями. Со временем ее мастерство могло бы сравниться с мастерством Нин Гуанчжуна и Нин Гуанжэня. Но она... все же была немного другой.

Хотя она была высокой и стройной, не похожей на обычных хрупких женщин, и, держа в руках меч, даже улыбаясь, вызывала уважение, она все же была женщиной. Под ее мужественной внешностью скрывалось чуткое сердце. Она не презирала его, как другие, но и не потакала ему, и это отличало ее от тех, кто смотрел на него с высоко.

Он также знал, что если скандал, связанный с Нин Ишу, станет достоянием общественности, это не просто унизит ее. Она будет погружена в бездну, из которой никогда не выберется.

— Что? Ты еще хочешь что-то сказать... Гуанью, умоляю тебя, остановись. Если у тебя есть неисполненные желания, мы сделаем все, чтобы их исполнить!

Нин Шэнь, который до смерти Нин Шэня был всего лишь бесполезным прожигателем жизни, не знал о деле Нин Ишу. Услышав это, он покрылся холодным потом, готовый упасть на колени.

Но Нин Гуанью оставался непоколебимым.

— Мои неисполненные желания? Мое желание — чтобы ни один человек из клана Нин не был счастлив.

— Нин Гуанью!

Один из присутствующих не выдержал и гневно крикнул. Все обернулись и увидели, что это был скромный и тихий Лу Ли. Он посмотрел на двух глав Дворца Облачных Небес и ответственного за дело Пэй Вэньюя:

— Господа, вы будете продолжать позволять этому фарсу продолжаться? Молодая госпожа Нин не имеет к этому отношения, Кольцо Заповедей также не было подделано. Пожалуйста,

немедленно отправьте Нин Гуанью на Сигнальную башню.

— Хорошо, хорошо, я тоже хочу поскорее завершить это дело.

Пэй Вэньюй с шумом закрыл веер, притворившись, что его осенила идея.

— Но господин Лу, если мы сейчас остановим Нин Гуанью и не дадим ему говорить, кто знает, не скажет ли он это, когда окажется на Сигнальной башне? Рано или поздно он это скажет, так почему бы не дать ему высказаться здесь и сейчас?

Лу Ли, понимая, что проиграл, повернулся к Нин Гуанью:

— Ты мстишь, и никто не останавливает тебя. Теперь, когда правда раскрыта, что ты еще хочешь? Твоя месть задевает невинных. Ты помнишь только свою ненависть, но забыл о доброте второго молодого господина и молодой госпожи Нин. Разве ты не сожалеешь о смерти второго молодого господина? Если ты сегодня скажешь что-то злое, разве ты не пожалеешь об этом?

Нин Гуанью, услышав это, усмехнулся и, вместо ответа, с издевкой сказал:

— Кхе-кхе, господин Лу, мы ведь старые знакомые. Раньше в Усадьбе Нефритового Отражения мы встречались несколько раз, и я слышал много интересных историй. Почему ты так напряжен? Может быть, история, которую я хочу рассказать, тебе тоже известна?

[Авторское примечание: Гуанью, бесконечными были твои слезы.

Завтра и послезавтра я буду занят и не смогу писать, поэтому сегодня добавлю глав. Желаю всем хороших выходных!]

<http://bllate.org/book/16248/1461471>